

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Глава 1

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Несмотря на то что произошла эта история в наши дни, вот буквально несколько месяцев назад, начинать рассказывать ее следует явно издалека. Как минимум с детства главных героев — Андрея Куликова и Димы Салапа. Или даже с детства их мам, Лидии и Галины Кошелевых, родных, как нетрудно догадаться, сестер. А лучше и еще раньше, с рассказа о родителях Гали и Лиды, поскольку нередко дедушки и бабушки, их личности и судьба влияют на нашу личность и судьбу не меньше, а зачастую даже и больше, чем мама и папа. Только мы об этом как-то не задумываемся.

Итак, жили-были две девочки, Лида и Галя. Они с гордостью именовали себя коренными москвичками и имели для этого все основания. Их отец Георгий Андреевич, которого все называли Жорой, родился и вырос в Замоскворечье, в двухэтажном деревянном доме, построенном еще его прадедом, державшим мясную лавку в Охотном Ряду. После революции лавку, разумеется, отобрали, а дом, как это тогда называлось, уплотнили, подселив туда разного народа и оставив бывшим владельцам только две комнаты в верхнем этаже. Но так

Олег РОЙ

как Жора рано лишился родителей, то по тем временам он считался весьма завидным женихом, поскольку имел *собственную жилплощадь*. В ту пору для многих людей отдельная комната была пределом мечтаний, молодым супругам приходилось чуть не до старости жить в одном помещении с родителями и прочими домочадцами, отгораживая угол для собственного семейного гнезда шкафами и ширмами. А тут — целых две комнаты! И если добавить к этому, что Жора был высок, кудряв, остроумен, лучше всех в округе играл в волейбол и городки и никогда не упускал случая обнажить в улыбке великолепные белоснежные зубы, несложно себе представить, каким успехом он пользовался у прекрасного пола. Тем сильнее было удивление соседских кумушек, когда они узнали, с которой же из девушек Жора наконец решился отправиться в ЗАГС. Его избранницу Лёлю никак нельзя было назвать красавицей — ни стати в ней, ни высокого роста, ни особой грациозности в движениях, ни того пренебрежительного взгляда, которым наделенные эффектной внешностью дамы обычно свысока смотрят на окружающих. Но зато в серых глазах Лёли плясали веселые чертики, темно-русые локоны вились задорными кудряшками, и так же задорно звучал ее звонкий смех, а посмеяться Лёля в молодости очень любила, что называется, пряником ее не корми, дай похохотать. Так и жили молодожены — с шутками и смехом, весело и дружно, вместе справляясь со всеми жизненными трудностями и легко, без ссор и взаимных обид, улаживая любые семейные неурядицы. Жора, как тогда говорили, служил чертежником в конструкторском

Игра без правил

бюро, Лёля работала в бухгалтерии «Красного пролетария», того же завода, где трудился ее отец Дмитрий Степанович, талантливый инженер, вышедший из бедной простой семьи, но сумевший получить образование и достичь высокого профессионального уровня исключительно благодаря своим способностям. Впоследствии, глядя на внуков, бабушка Лёля часто говорила, что вместе с именами мальчикам передались от предков и черты характера — Дима, с его аналитическим складом ума, основательностью и настойчивой тягой к знаниям, был вылитый ее отец, а практичный и предприимчивый, но бесшабашный Андрей явно пошел в купеческую родню Георгия. Однако не будем забегать так далеко вперед.

Меньше чем через десять месяцев после свадьбы у Жоры и Лёли родилась дочка, которую называли Лидией. В мае сорок первого года Лидочке исполнилось пять лет, а в июне началась война. И Жора в числе тысяч таких же молодых москвичей, чья жизнь еще только-только начиналась, был спешно призван в армию. Лидочку и Лёлю, которая на тот момент ждала второго ребенка, отправили в эвакуацию в Среднюю Азию. Едва Галя появилась на свет, как ее мать получила похоронку — Жора Кошелев пал смертью храбрых в битве под Москвой, защищая от врагов свой родной город.

С тех пор на плечи Лёли легли все заботы о детях, а на плечи Лиды — заботы о младшей сестренке. Вместе с другими женщинами Лёля под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» с раннего утра до поздней ночи трудилась у станка на эвакуированном заводе, изготавливавшем военную технику и снаряды, а по ночам

Олег РОЙ

готовила, убирала, стирала и латала изнашивавшуюся с катастрофической скоростью довоенную одежду — новой взять было неоткуда. Времени на детей и у нее почти не оставалось, и Лида, вмиг повзрослевшая не по годам, понимала это и всем, чем могла, помогала матери. Когда через два года семья вернулась в Москву и Лиду записали в первый класс, девочка уже взяла на себя большую часть домашних хлопот. С утра она сама отводила Галю в ясли, потом сама бежала в школу, а вернувшись, наскоро готовила уроки, отправлялась забирать сестренку и проводила с Галей весь вечер, потому что мама приходила с работы поздно. Неудивительно, что первым словом Галочки было не «мама», которую она тогда видела очень мало, а «Дида», то есть Лида. Чем Лидочка очень гордилась, поскольку души не чаяла в младшей сестренке, заботливо опекала и баловала ее — насколько это было возможно в те тяжелые времена.

Все в этом мире когда-нибудь заканчивается, и не только хорошее, но, к счастью, и плохое. Даже страшная война, унесшая столько жизней и искалечившая столько судеб, в один поистине прекрасный майский день пришла к своему завершению. Мирный уклад начал постепенно возвращаться, и жизнь в семье Кошелевых тоже стала понемногу налаживаться. Девочки росли, старшая все так же обожала младшую и продолжала заботиться о ней, сдувая пылинки. Она выучилась шить — специально для того, чтобы как можно красивее наряжать Галочку, вплетала ей в волосы яркие ленточки и не уставала с утра до ночи повторять, какая та хорошенькая. Когда Галя пошла в школу, Лида,

Игра без правил

часто в ущерб собственной учебе, занималась с ней, а нередко и делала за сестру уроки, чтобы малышка не уставала и не капризничала. И если в доме появлялось что-то вкусное, например конфеты или яблоки, то, конечно, все доставалось только Галочке. Не только мама, но и старшая сестра сами отказывались от лакомств, чтобы порадовать свою любимицу. Надо ли удивляться, что при таком воспитании Галя выросла капризной и избалованной, привыкшей, что все лучшее в жизни достается ей, а все ее прихоти должны немедленно исполняться? Бывают случаи, когда избыток любви так же вредит юному человеку, как ее недостаток, — правда, такое встречается гораздо реже.

Насчет Галиной внешности Лида не ошибалась, девочка и впрямь была очень хороша. Она, как говорится, взяла лучшее от обоих родителей. Высокая, стройная и спортивная, как отец, Галя к тому же унаследовала от матери чудесные темно-русые волосы и большие выразительные глаза. В отличие от сестры, способной и добросовестной, училась Галя весьма средне, звезд с неба не хватала, но зато была бойкой и держалась уверенно, что позволяло ей всегда быть на виду. Стараниями сестры, часами просиживавшей за швейной машинкой, чтобы из перелицованного соседкиного пальто или купленного по случаю отреза ситца в мелкий цветочек создать очередной шедевр, Галя всегда была хорошо одета и оттого еще больше бросалась в глаза. Уже лет с тринадцати она стала следить за своей внешностью, подолгу вертелась перед зеркалом, часто меняла прически, подражая то той, то этой кинозвезде, и потихоньку от взрослых

Олег РОЙ

подкрашивала брови и ресницы, бывшие, по ее мнению, недостаточно черными.

После школы, оконченной, правда, без медали, но и без единой тройки, Лида поступила в Московский химико-технологический институт имени Менделеева. В то время фраза Ломоносова о том, как глубоко простирает свои руки химия в дела человеческие, еще никого не пугала — наоборот, активное внедрение химии в легкую и пищевую промышленность считалось величайшим научным достижением. Будучи студенткой, Лида, как и многие ее коллеги, мечтала о том, как будет создавать искусственное волокно, искусственные ткани, искусственное мясо, молоко, фрукты и овощи. Получив диплом, она устроилась на работу в один из недавно открывшихся НИИ, где и принялась с энтузиазмом, как подшучивала над ней Галя, *двигать научно-технический прогресс*. Исследования увлекли ее настолько, что молодая женщина забыла обо всем остальном, включая и личную жизнь. Во всяком случае, так казалось со стороны. На самом деле причина, конечно, была не только в науке. Просто сестра, заботам о которой Лида раньше посвящала всю себя, вдруг как-то совсем неожиданно выросла и перестала в ней нуждаться. А своих детей у Лиды не предвиделось. Не обладающая ни эффектной внешностью, ни уверенностью в себе, которыми славилась Галя, Лидия всегда была застенчива, особенно в общении с противоположным полом, держалась скованно, не умела себя подать и к тому же старалась избегать вечеринок, танцев и тому подобных шумных сборищ, где девушки обычно знакомятся с молодыми людьми. На же-

Игра без правил

нихов ей не везло, и с возрастом Лида уже почти с этим смирилась и переключила все свое внимание на науку.

Галя же, напротив, с ранней юности имела большой успех у сильного пола и активно этим пользовалась. При этом ее интересовали только состоятельные мужчины. Если у кандидата в ее кавалеры не оказывалось машины, дачи, квартиры, прибыльной должности или хотя бы хороших перспектив на будущее, то и шансов на Галино внимание у него не имелось. Зато те, кто мог подарить ей золотое колечко или импортную кофточку, угостить какой-нибудь дефицитной вкуснятиной вроде твердой копченой колбасы или консервированных крабов или сводить на модный концерт, вполне могли рассчитывать на ее благосклонность.

Сразу после окончания торгового техникума Галя вышла замуж первый раз — за пожилого снабженца. Однако вскоре после свадьбы ей пришлось убедиться, что в быту ее муж скучен, мелочен, ревнив и, что самое неприятное, невероятно жаден. С последней особенностью молодая женщина уж никак не могла примириться. Она подала на развод и вскоре устроила судьбу снова. На этот раз ее избранником стал Коля Куликов, яркий представитель тогдашней золотой молодежи, сын директора одного из крупнейших столичных комиссионных магазинов. К тридцати годам Коля подрастерял некогда роскошную шевелюру и обзавелся уже заметным брюшком, но все еще был привлекателен и считался (в определенных кругах, разумеется) чуть ли не лучшим женихом столицы. Так что Галя была уверена в том, что ей очень повезло. Тем более что второй брак оказался

Олег РОЙ

гораздо прочнее первого. Молодожены вместе работали в магазине Куликова-старшего и совместными усилиями наживали дом — полную чашу. Ссоры и скандалы между ними, конечно, случались, но в какой семье обходится без этого? А при таком недостатке и таких возможностях, как у свекра, Галя согласна была закрывать глаза на многие недостатки его сына. Когда на одну чашу весов ложатся битком набитый нарядами зеркальный шкаф-гардероб, шкатулка, полная золотых украшений, деликатесы в финском холодильнике, наличие в семье двух машин, огромная кирпичная дача в ближнем Подмосковье и ежегодный отдых в Крыму, а на другую — некоторая склонность супруга выпить и погулять, не трудно догадаться, что перевесит.

И вдруг, к несказанному изумлению родных и знакомых, неожиданно вышла замуж и Лида. Ей уже минул тридцать один год, когда она познакомилась на овощной базе с физиком-ядерщиком Борисом и вскоре объявила о предстоящей свадьбе. Но если мама была только рада этому известию, то удивление Гали оказалось скорее неприятным. За эти годы она уже привыкла считать сестру синим чулком, старой девой и неудачницей, прозябающей на жалкую зарплату младшего научного сотрудника без степени, — словом, тем самым серым фоном, на котором она сама смотрелась особенно ярко и удачно. И тут — такая новость! Пусть даже Боря Салап не был завидной партией — ни красоты, ни денег, ни должности, ни связей, ни каких-либо значительных перспектив у него не имелось, — но сам факт замужества сестры Гале был неприятен. А тут еще, точно ей назло, через год

Игра без правил

после свадьбы Лида родила сына Диму. До этого Галя и не думала о детях, отговариваясь тем, что *успеется, пока молодые, надо пожить для себя*. По большому счету, ей вообще не хотелось обзаводиться потомством, портить фигуру, возиться с пеленками и вешать себе на шею ярмо на всю жизнь. Но после рождения Димки всю семью Куликовых как прорвало, они наперебой заговорили о наследнике, и Галя, будучи женщиной практичной, смекнула, что еще немного — и она может оказаться в неприятном положении. Рожать, конечно, совсем не хочется, но если она не сделает этого сейчас, муж может уйти к другой женщине, иначе относящейся к детям... Нет, такого развития событий Гале совсем не хотелось. И она скрепя сердце решилась на ребенка, всей душой надеясь, что у нее будет девочка Леночка, хорошенькая, как картинка. Однако появился Андрей — спустя два года, месяц и одиннадцать дней после рождения Димы.

То, что родился мальчик, а не девочка, Галю здорово расстроило. Она-то собиралась покупать дочке лупоглазых пупсов и красивые платьица — а тут вдруг мальчишка, которого и как воспитывать-то непонятно... Так и не сумев перестроиться, Галя первое время относилась к ребенку как к живой игрушке, наряжала сына, как куклу, и наотрез отказывалась состричь его длинные светлые локоны, с которыми Андрей был так похож на девочку.

Обычно, когда в семье два ребенка с небольшой разницей в возрасте, вещи от старшего переходят к младшему, но тут все вышло иначе — посмотрев на узелок с невзрачными отечественными ползунками и блеклы-

ми, полинявшими от стирки распашонками, который принесла ей сестра, Галя презрительно сморщила носик и раз и навсегда отказалась от Димкиных вещей. Да и зачем они были нужны? С первых дней своего существования наследник рода Куликовых не знал ни в чем нужды — у него были и импортные одежки, и всевозможное детское питание (огромный дефицит по тем временам!), и лучшие игрушки, и не ему от Димы, а Диме от него иногда, так уж и быть, перепадала какая-нибудь вещица. Вся семья Куликовых надыхаться не могла на наследника, ему все позволялось, исполнялись все его прихоти. С Андрюшеньки сдували пылинки, разрешали ему все на свете — и, разумеется, уже с первых лет жизни избаловали его еще больше, чем в свое время Лида избаловала свою сестру.

Диму растили совсем иначе. В его семье не было культа ребенка, но не было и скандалов, неискренности и лицемерия в отношениях. Доходы у Салапов были самые что ни на есть среднестатистические, покупать деликатесы, одеваться в импортную одежду и возить мальчика в поликлинику на собственной «Волге» возможности у них не имелось. Зато оба родителя искренне любили сына и всерьез, с удовольствием, занимались его развитием и воспитанием. И их труды не пропадали даром — Димку без преувеличения можно было назвать модным по тем временам словом «вундеркинд». В три года он уже знал все буквы и цифры, в четыре умел читать и считать, а в пять без труда освоил все четыре арифметических действия. И если в семье Куликовых слово «нельзя» не звучало для Андрея в принципе, то Дима, по боль-

Игра без правил

шому счету, в нем не нуждался — ему достаточно было один раз внятно объяснить, почему не следует делать те или иные вещи, чтобы он все понял. Борис, который хоть и понаслышке, но хорошо был знаком с историей воспитания Гали, совсем не хотел, чтобы ситуация повторилась и с Димой. Впрочем, и Лида с тех пор стала умнее и, как правило, уступала мужу, когда речь заходила о сыне. Ей, как и Борису, хотелось, чтобы Дима вырос настоящим мужчиной, а не капризным и меркантильным маменькиным сынком.

Как это нередко случается, в детстве двоюродные братья много времени проводили вместе, поскольку обоих часто привозили к бабушке Лёле. Вся большая семья Куликовых, как уже говорилось, работала в комиссионке, Салапы также не бездельничали, и, кроме того, через несколько лет после рождения сына Лида начала писать диссертацию. А баба Лёля была уже на пенсии — вот мальчишек и отправляли к ней, когда не с кем было оставить.

У бабушки братьям очень нравилось. Даже, как ни странно, Андрею, хотя здесь ему приходилось на время забыть о своих капризах и истериках. Кидаться на пол и с криком бить руками и ногами, когда ему что-то не позволяли, здесь было бесполезно — бабушка Лёля в такой ситуации просто вставала, звала с собой Диму и выходила из комнаты. Но зато никто здесь с ним не сюсюкал, не умилялся каждому его слову — и бабушка, и брат относились к трех-четырёх-пятилетнему Андрею как к человеку, который имеет право на собственные понятия и взгляды на вещи, с которым можно разговари-

Олег РОЙ

вать, прислушиваться к его мнению и воспринимать его всерьез — а не как живую игрушку, которой ему пришлось быть дома. И надо сказать, что хитрый Андрей уже в те годы осознавал для себя преимущества обеих ситуаций и легко умел приспособиться к каждой из них. Дома он старательно изображал из себя такого умильного карапуза, крошечного принца, очаровательного в своей детской непосредственности, но при этом ни на минуту не забывающего и не дающего забыть другим, что он — пуп земли. А у бабушки он становился послушным и даже меньше озорничал, потому что за шалости его здесь наказывали лишением внимания, а это для маленького Андрюшки было страшнее всего.

Вскоре после рождения внуков баба Лёля получила квартиру в новом доме в Коломенском. В тех краях, в семидесятые годы больше напоминавших какой-нибудь поселок городского типа, чем район столицы, и прошла значительная часть детства обоих братьев. Самые интересные их воспоминания были, конечно, связаны с Москвой-рекой и Коломенским парком, его ручьями, холмами, оврагами и родниками — но туда мальчишки попали не сразу. Лет до шести-семи бабушка Лёля не разрешала им ходить одним через дорогу, поэтому гуляли только во дворе, где, впрочем, тоже было неплохо. Как-то так вышло, что хотя в двенадцатиэтажном доме-башне детей было много, все они оказались либо старше, либо младше внуков бабушки Лёли, и оттого у братьев имелся только один товарищ по играм, точнее, приятельница — ровесница Андрея Дина Тюлина, шустрая белобрысая фантазерка. Целыми днями троица пропадала во дворе,

Игра без правил

а позже в парке или на берегу реки, играя в разные интересные игры, которые в основном придумывал Дима. Чем старше становились ребята, тем увлекательнее делались их занятия. Дима рано полюбил читать, увлекался фантастикой и приключениями и умел из каждой прочитанной книги извлечь идею для очередной потрясающей игры. Вчера они, подражая героям Фенимора Купера, превращались в индейцев, сегодня пытались на собственном опыте реализовать какое-нибудь изобретение, вычитанное у Жюль Верна, а завтра, глядишь, собирались отправиться в космос и мастерили где-нибудь на задворках межпланетный звездолет...

В детстве Андрей вовсю пытался подражать Диме. Но именно *пытался*, а не *подражал*. Потому что одно дело повторять слова старшего брата, копировать его интонации, мимику и манеры (не так уж это сложно) и совсем другое — жить такими же интересами, как другой человек. Дима занимался в секции бокса — Андрей потребовал, чтобы его тоже записали на занятия, но не выдержал и сбежал, столкнувшись с первыми же трудностями. Дима зачитывался научно-популярной литературой, такой, как книги Перельмана, ему выписывали журналы «Наука и жизнь», «Техника — молодежи» и «Химия и жизнь» — Андрей пробовал было все это читать, но, видимо, начал слишком рано, заскучал и бросил. Дима неплохо учился, в основном на пятерки и четверки — Андрей тоже получал хорошие оценки в младших классах, но к средней школе потихоньку скатился на тройки. Не из-за тупости или недостатка способностей, совсем нет, голова у него всегда работала отменно. Просто лень

Олег РОЙ

было корпеть над уроками, когда на свете существует столько других интересных занятий. Родители его, конечно, переживали из-за того, что сын неважно учится, но решали эту проблему не занятиями с ним, а при помощи подарков учителям.

Учился Андрей Куликов, разумеется, в престижной специализированной школе с углубленным изучением английского языка. Школа эта, с собственным бассейном и прочими понтами, считалась одной из лучших в Москве, в ней постоянно снимали детские фильмы, видимо, чтобы у зрителей сложилось впечатление, что все советские школы именно так и выглядят. Диму сначала отдали в обычную районную среднюю школу, находящуюся в соседнем дворе, где он и проучился первые шесть лет. Но с седьмого класса, следуя советам педагогов и прислушавшись к настойчивым просьбам сына, родители перевели его в специализированную математическую школу. У Димы был явно аналитический склад ума, и в то же время он не был ограниченным технарем, «специалистом, подобным флюсу», как сказано у Козьмы Пруtkова. Мальчик интересовался самыми разными вещами, включая и иностранные языки. Школьной программы по английскому ему было мало, и в свободное время он сам, без каких-либо указаний со стороны родителей, читал книги на английском языке, сначала адаптированные, а потом и оригинальные.

Чем старше становились двоюродные братья, тем заметнее делалась разница между ними. Андрей рос веселым, непоседливым, озорным, а главное, отчаянным авантюристом, из-за чего постоянно оказывался в раз-

Игра без правил

ных непростых ситуациях. Причем далеко не все его проделки выглядели безобидными. Чего стоила одна только история с вкладышами! В то время среди младших, да и не только младших школьников чуть ли не самой популярной забавой была игра в фантики от импортных жвачек. Эти яркие пестрые бумажки коллекционировали, выменивали друг у друга и даже перепродавали, но главным их предназначением была все-таки игра. На переменах разношерстные стайки ребят собирались у окон и начинали соревнование, заключавшееся в том, чтобы ударом по подоконнику перевернуть как можно больше фантиков. Андрей иногда принимал участие в этих турнирах, но чаще с живым интересом наблюдал за ними, чувствуя, что здесь кроются какие-то неплохие возможности обогащения. И однажды, когда он был в шестом классе, ему пришла в голову идея, которую он тут же и осуществил. После школы он подкараулил нескольких третьеклашек, безжалостно отобрал у них все имеющиеся фантики, а через несколько дней загнал эту коллекцию заядлому собирателю из седьмого класса за весьма кругленькую сумму — аж в пять рублей. Однако тайной эта история не осталась. Кто-то из малышни наябедничал родителям, те возмутились, пошли в школу жаловаться, и незадачливый предприниматель оказался быстро вычислен и разоблачен. Вызванная в школу Галя вроде бы огорчилась, но, выговаривая сыну, приводила в основном такой аргумент: «Андрюша, ну зачем ты это сделал? Тебе что, карманных денег не хватает? Так сказал бы нам с папой, мы бы тебе дали сколько нужно!» Отец — тот и вовсе только усмехнулся, когда ему рас-

Олег РОЙ

сказали о происшедшем, поинтересовался размерами выручки от сделки и сказал не без гордости: «Молодец, парень, не пропадет в жизни, моя школа!» Так что, возможно, Андрей и не сделал бы из того случая никаких выводов, если б не двоюродный брат. Узнав о том, что произошло, Димка взял да и скрутил Андрея болевым приемом и держал до тех пор, пока тот не взвыл:

— Ну, хватит, пусти! Так нечестно, ты же сильнее!

— А ты сильнее, чем та мелюзга, — отвечал восьмиклассник Дима, бывший, как помнит читатель, на два года старше кузена и, соответственно, в том возрасте, и выше, и крупнее. — Но тебя это не остановило. Может, теперь поймешь, что обижать слабых нельзя.

Слова и действия старшего брата, всегда бывшего авторитетом для младшего, произвели должный эффект. Сделке был дан обратный ход, деньги Андрей вернул, а фантики раздал пострадавшим. Не очень-то ему хотелось это делать, да другого пути не было — сохранить уважение брата казалось куда важнее.

Дима уже в те годы был совсем другим. Если Андрей постоянно не знал, куда себя деть и чем заняться, то у его брата свободного времени не бывало вообще. Помимо множества разносторонних интересов, о которых уже рассказывалось, в его жизни имелись две самые важные, самые главные страсти — тайная и явная. Тайной была соседка Дина, та самая девчонка, которая жила на одной лестничной клетке с их бабушкой Лёлей. В тринадцать лет Дина как-то неожиданно, рывком, повзрослела и превратилась из нескладной белобрысой пигалицы в красивую и модную юную девушку, и с тех пор,

Игра без правил

вот уже много лет, Димкино сердце не знало покоя. Детские игры с мальчишками к тому времени для Дины уже ушли в прошлое, она больше не носилась с братьями по парку и двору все погожие дни напролет, не делилась с Димкой своими немудреными фантазиями и наивными детскими секретами, а жила своей девчачьей жизнью, которая каждому парню в эти годы представляется чем-то загадочным, наделенным особенным романтическим ореолом. Общались они теперь гораздо реже и уже совсем *по-взрослому* — иногда, когда у нее не было *других дел*, Дина соглашалась посидеть с братьями в беседке во дворе. Они, как и прежде, болтали, шутили и смеялись, но уже не возились, не баловались и разговоры вели тоже совсем другие, не как раньше. С возрастом интересы Дины сильно изменились, теперь она говорила в основном о парнях, о деньгах, о ресторанах, о вещах, делилась с друзьями детства своими мечтами о красивой жизни, о том, как здорово было бы найти богатого хахаля, а еще лучше — «свалить на фиг из этой страны». Дина всегда мечтала о Соединенных Штатах, эта страна (она упорно называла ее Америкой) казалась ей истинным раем на Земле.

Слушать все это Димке было очень тяжело. Он понимал, что не способен дать Дине и сотой доли того, о чем она грезит. Но как же быть, если при одном взгляде на нее Димино сердце начинало отчаянно биться, ладони противно запотевали, а кровь отчего-то прилиwała к лицу и, что самое неприятное, к щекам, отчего те делались малиновыми? Дима долго терпел эти мучения, но однажды все-таки решился и, столкнувшись с Диной у подь-

Олег РОЙ

езда, завел с ней разговор и пригласил сходить завтра в кино. Но Дина в ответ только покачала головой, мол, как-нибудь в другой раз, и убежала по своим делам. А в душе Димы осталась незаживающая рана, которую он потом еще много лет с удовольствием лелеял и растревлял. Как большинство его сверстников, Димка Салап был и очень впечатлителен, и обидчив, и болезненно самолюбив. Хотя и не подавал виду, держал свои страдания в секрете ото всех и никому, кроме бабушки Лёли, о них не обмолвился. Даже родителям, с которыми у него всю жизнь были дружеские и доверительные отношения. Но Дину Тюлину мама и папа недолюбливали, считали, что она вырастет примитивной и ограниченной мещанкой. Слушая это, Димка только усмехался про себя. К сожалению, даже лучшие из родителей иногда не понимают самых элементарных вещей.

Другой явной страстью Димы стала вычислительная техника. В те годы — в начале и даже в середине восьмидесятых — большинство наших соотечественников имело о ней лишь смутное представление, в основном благодаря модной книге братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» да крылатой фразе из любимого народом фильма «Служебный роман»: «Очень хорошо, что в Швейцарии компьютеры». «Широким кругам общности» это новое изобретение человечества было почти неизвестно, казалось чем-то далеким, абстрактным и уж совсем ненужным в повседневной жизни. Так, очередная игрушка для ученых и специалистов-инженеров. Однако Дима Салап относился к меньшинству. Как-то раз, когда отец взял его к себе на работу, мальчик за-

Игра без правил

глянул в вычислительный центр — и с тех пор буквально заболел компьютерами. Он донимал вопросами сотрудников вычислительного центра, где с тех пор норовил оказаться при любой малейшей возможности, штудировал специальную литературу, всеми правдами и неправдами доставал зарубежные технические журналы и книги, которые уже мог читать свободно, без словаря. В пятнадцать лет он уже легко обращался с только что появившимися тогда персональными компьютерами, как опытный пользователь, а в шестнадцать написал свою первую программу. И чем больше он узнавал, тем тверже становилась его уверенность, что будущее именно за этими потрясающими интеллектуальными машинами, которые уже и сейчас дают человеку огромные возможности, а дальше все это будет с неимоверной скоростью только набирать и набирать обороты.

Пару раз Дима поделился своими мыслями с братом Андреем, но тот не принял всю эту «научную фантастику» всерьез. Какой смысл думать о том, что будет когда-то, пусть даже и в самом ближайшем будущем? Все равно до этого еще надо дожить, а пока следует исходить из тех возможностей, что есть сейчас и сегодня. А эти возможности напрямую связаны с таким емким понятием, как деньги. Во время последнего такого разговора Андрей даже попытался поднять Димку на смех, правда, получилось не слишком удачно, старший брат так и не обиделся на младшего, что того сильно огорчило. В подростковом возрасте отношение Андрея к кузену резко изменилось. Теперь он уже не смотрел на Димку снизу вверх, как раньше, наоборот, искал любой повод

Олег РОЙ

сам поглядеть свысока и доказать всему миру, что он ничуть не хуже, а даже лучше Димки. Вот только поводы, как назло, не очень-то находились. Попытки вызвать зависть при помощи хвастовства вещами («Глянь, что у меня есть, у тебя нету!») с Димкой не работали, к фирменным шмоткам и прочему, как презрительно говорил Дима, барахлу, он был совершенно равнодушен. Очень показательной в этом отношении стала история с записями «Смоков» — необычайно популярной в те годы английской группы «Smoke». Андрей был в курсе, что брату нравится их музыка (особенно Димка любил песню «Living Next Door To Alice», потому что она напоминала ему о Дине), и, когда ему достали их новые записи, первым делом позвонил брату и сообщил ему об этом.

— Здорово, — обрадовался тот. — Дашь послушать?

— Не-а, — злоратно отвечал Андрей, который долго готовился к этому разговору. — Не дам.

— Почему? — искренне удивился Димка.

— Из вредности. «Вот такое я говно», — процитировал Андрей любимый школьниками анекдот.

— А. Ну, как знаешь, — спокойно отвечал Димка. Тут же перевел разговор на другую тему и больше о «Смоках» не упоминал. Андрюха злился на него за это несколько дней, но к моменту встречи не выдержал и, отправляясь в очередной раз в гости к бабушке, прихватил с собой запись...

В старших классах интересы братьев окончательно разошлись, каждый стал вращаться на своей орбите. В кругу Диминых друзей и одноклассников любили

Игра без правил

петь под гитару бардовские песни и вести долгие «заумные» (как считал Андрей) споры о книгах, смысле жизни, будущем человечества и прочих тому подобных вещах. Андрюхина компания интеллектуальных разговоров не вела, там были совсем другие интересы — дискотеки, бары, девчонки, шмотки. В их мире все мерилось деньгами. Тот, кто их имел, не важно, откуда и как раздобытые, пользовался всеобщим уважением, тех, у кого их не было, презирали. А так как семья Куликовых не относилась к числу малоимущих, Андрюха в своей среде всегда был на первых ролях. Всегда хорошо одетый, бойкий, веселый (юморной, как у них это называлось), к тому же обладающий привлекательной внешностью, парень всегда был на виду. На него рано начали заглядываться девушки, и Андрею это очень нравилось. В том числе и потому, что наконец-то в его жизни появилась область, где он ощущал свое превосходство над братом. Роль плейбоя Андрея необычайно привлекла, многочисленные скоротечные романы с несколькими подружками одновременно сделались для него чем-то вроде спорта. О своих победах он с удовольствием рассказывал направо и налево, что сильно возмущало Димку.

— Как ты так можешь, Андрюха? — морщился он, услышав очередную историю о том, как какая-нибудь бывшая пассия брата не может примириться с тем, что ее бросили, обрывает телефон, забрасывает письмами и стоит вечера напролет под окнами. — Это ж некрасиво, не по-мужски! Недопустимо так вести себя с девушками. И уж совсем недопустимо болтать об этом.

Олег РОЙ

— Да ладно тебе, старик, — хохотал Андрей. — Ты просто завидуешь моему опыту. Тебе скоро восемнадцать стукнет, а у тебя не то что секса еще не было, ты небось и не целовался-то пока ни с кем!

Дима краснел и отводил взгляд. Слова Андрея попадали в самую точку. Девушки у него до сих пор не было, поскольку в сердце все еще царила Дина. Но еще раз подойти к ней с предложением встречаться Дима так и не решился, боялся повторного отказа. Зато Андрею все удалось.

Глава 2

ГЕНИАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Незадолго до окончания школы Андрей закрутил роман с Диной. Узнав об этом (а узнать было несложно, оба «влюбленных» не только не скрывали своих отношений, но даже, наоборот, активно демонстрировали их, будто старались напоказ), Димка сразу подумал, что брат *закадрил*, как тот выражался, бабушкину соседку специально, исключительно назло ему. Догадался как-то о его чувствах к Дине, в конце концов, чувства — дело такое, как ни скрывай, шила в мешке не утаишь, вот и решил показать брату, кто из них круче (тогда, правда, это слово еще не вошло в обиход, но сути это не меняет).

Прав был Димка в своих подозрениях или нет, узнать ему так и не удалось, во всяком случае, тогда. Но, так или иначе, пару месяцев Андрюха с Диной встречались. И как только все началось, Андрей тут же попытался

Игра без правил

рассказать брату подробности, в ответ на что Дима с несвойственной ему резкостью попросил его заткнуться. Кончилось дело небольшой потасовкой, чего вот уже несколько лет между братьями не случалось. С тех пор Андрюха вроде бы держал рот на замке, но все равно как-то так получалось, что его роман постоянно мозолил Диме глаза — то брат при нем звонил Дине, то та заходила за Андреем, когда они оба были у бабушки, то идущая в обнимку парочка будто случайно попадалась Димке на улице.

А потом Андрей просто-напросто бросил Дину, как обычно поступал со всеми своими пассиями. И тогда Димке пришлось некоторое время выступать в роли жилетки, утешая обиженную и огорченную девушку. Чувствовал он себя при этом прескверно. Было жалко Дину, но не меньше жаль и самого себя. Сколько раз хотелось сказать Дине, что он давно любит ее, признание так и рвалось с языка... Но Димка не давал себе воли, боясь поставить любимую в неловкое положение. Ему казалось, что очень уж некрасиво это выглядело бы — один брат бросил, а другой вроде как готов подобрать. Да и к тому же, как он отлично понимал, шансов на Динину благосклонность у него немного. Катать ее по кабакам на такси и угощать импортным шоколадом, как это делал Андрюха, Димка возможности не имел. Так все и закончилось. Поревев несколько раз у него на плече, Дина перестала звонить Диме и вскоре совсем пропала из его жизни.

К тому времени, когда случилась эта история, Димка уже был студентом факультета вычислительной матема-

Олег РОЙ

тики и кибернетики МГУ. Он поступил туда совершенно самостоятельно, без всякого блата и взяток, даже без репетиторов. Правда, со второй попытки. Первый раз, сразу после школы, для зачисления не хватило одного балла. Профильные экзамены Дима сдал очень хорошо, даже удостоился похвалы от преподавателя математики, но в сочинении сделал две незначительные ошибки, за что схлопотал тройку. Сурово, конечно, но справедливо — все-таки это Московский университет, и требования там соответственные.

Неудача сильно огорчила Диму, поскольку больно ударила по самолюбию. Ведь он привык быть в числе первых, лучших, даже среди своих одноклассников, учеников спецшколы, куда принимали только способных ребят. И вдруг все, ну, почти все, попоступали — а он провалился. Счастье еще, что есть в запасе год до армии, восемнадцать исполнится только в следующем октябре.

В этой ситуации Димку очень здорово поддержали родители. И Борис, и Лида всеми силами старались дать понять сыну, что случившееся — не вселенская трагедия, а лишь повод задуматься и сделать выводы. Вступительные экзамены помогли выявить слабое место в системе подготовки — что же, надо принять это к сведению и начать работать в этом направлении, если хочешь достичь поставленной цели. И Димка согласился с ними. Стало быть, права была Наталья Викторовна, классная руководительница и учительница русского языка и литературы, — без ее предмета никуда, какую бы специальность ты ни выбрал. Димка твердо решил,

Игра без правил

что использует будущий год, чтобы подтянуть русский, и записался на шестидневные подготовительные курсы.

Но курсы курсами, а сидеть на шее у родителей ему было уже неловко. Не школьник ведь, почти взрослый человек. Самостоятельно приняв решение, Димка отправился в вычислительный центр отцовского НИИ, где его давно и хорошо знали, и поинтересовался, нет ли у них вакансии лаборанта. И вакансия нашлась — руководитель отдела не стал упускать возможность взять на работу полного энтузиазма молодого сотрудника, которого и обучать-то уже ничему не надо было, тот многое знал, а все новое схватывал на лету. Так «без малого семнадцатилетний» Дима Салап стал зарабатывать свои первые деньги — целых семьдесят рублей в месяц, срок из которых он регулярно отдавал маме на хозяйство.

Это был очень непростой год для Димы. С утра — на работу через всю Москву, потом, вечером, подготовительные курсы на Ленинских горах. На дорогу каждый день уходило не менее трех часов, потому что жили Салапы в Новогирееве, а НИИ находился на Преображенке. Единственный выходной в неделю — воскресенье — тоже оказывался забит до предела, даже выспаться не удавалось, слишком много накапливалось дел, которые необходимо было успеть переделать. Но о том, что все вышло именно так, а не иначе, Димка нисколько не жалел. Этот год дал ему очень много, как в смысле становления личности, так и в смысле профессионального опыта. К моменту следующих вступительных экзаменов он был уже не желторотым юнцом только что со школьной скамьи, как многие абитуриенты, его товарищи и кон-

куренты одновременно, а самостоятельным взрослым, уже работающим человеком и почти что специалистом, не представляющим себе будущую профессию лишь в теории, по книжкам, но знающим ее на практике. Да и курсы помогли — на этот раз сочинение было написано без единой ошибки. Дима Салап без невероятных усилий набрал проходной балл и в августе с радостью увидел свою фамилию в списке зачисленных на первый курс.

Нельзя сказать, что учеба в университете давалась ему слишком легко. Особенно первые годы. Это потом, на старших курсах, когда стали изучать в основном профильные предметы, ту самую специализацию, к которой Димка с детства чувствовал призвание, учиться стало не то что проще, но, во всяком случае, гораздо интереснее. А сначала пришлось массу усилий потратить на второстепенные, общеобразовательные дисциплины, далеко не все из которых, как считал Димка, нужны и полезны. Особенно это касалось общественных наук, истории КПСС например. Ну на фиг она ему сдалась? Из всех обязательных идеологических дисциплин Димке была интересна только политэкономия капитализма. Впрочем, на радость студентам, как раз в то время эти курсы в МГУ стали потихоньку модифицировать и даже отменять, поскольку период Диминого учения пришелся на эпоху глобальных перемен, конец восьмидесятых и начало девяностых. Но Диму, в отличие от большинства других студентов, политика тогда интересовала мало — просто не оставалось на это времени. Он был по горло занят — и учебой, конечно, но прежде всего научной